

Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследований городища Мохнач).

Проблемы социально-экономического развития кочевых обществ, в том числе и процесс перехода кочевников к оседлости и полuosедлости, давно вызывает интерес историков, этнографов и археологов. Со второй половины прошлого века наметилось два главных направления в его изучении.

Одно из них в наиболее полном виде представлено работами С.А. Плетнёвой. Она отстаивает тезис о постоянной тенденции к оседанию по мере стадийного развития их общества в направлении от первобытности к государственности [Плетнёва 1967; 1982; 1991]. В какой-то степени эта точка зрения стала к настоящему времени хрестоматийной, войдя в учебную литературу [Плетнёва 2003]. Однако в последние годы всё чаще и настойчивее предлагаются альтернативные теории происхождения государственности у кочевников. Они базируются на различных интерпретациях взаимодействия кочевых и оседлых обществ [Например Крэдлин 2001; Барфилд 2002; Хазанов 2002]. Вторая группа исследователей высказывает мысль о том, что основной смены форм скотоводческого хозяйства (переход от кочевого способа его ведения к полuosедлству и оседлству, и обратно) связан не столько со стадийным и социально-экономическим развитием степных обществ, сколько с изменением природно-климатических условий существования народов указанной зоны [Плетнёва 1966; 1972; 1990; Марков 1973; 1976; Хазанов 1973; Гаерликов 1999]. Это, по их мнению, подтверждается живучестью кочевого хозяйства и способа существования на территории евразийских степей начиная с энеолита и практически до начала XX в

Рис. 1

Детальный анализ этих двух концепций вполне может стать самостоятельным объектом изучения. В данной же статье считаем необходимым остановиться на вопросе выделения критериев, которые способны помочь в определении промежуточного положения общества или его отдельных членов между кочевым и оседлым образом жизни. Это тем более важно при изучении археологических памятников контактных зон, одной из которых была днепровская левобережная лесостепь, особенно южная часть верхнего течения Северского Донца (Рис. 1). На основе предложенных критериев мы попытаемся наметить новые подходы в рассмотрении поселенческих материалов салтовских памятников лесостепной зоны. Для этого считаем возможным привлечь данные, полученные в последние годы при исследовании городища в с. Мохнач (Змиевский район Харьковской области).

Наибольшее количество критериев для определения состояния степного общества предложено С.А. Плетнёвой в теоретической работе по кочевнику средневековья. Здесь они соответствуют многочисленным признакам различных стадий кочевания [Плетнёва 1982, 13–82]. Однако в реальности большинство из них малоприменимы в практическом археологическом исследовании, так как предполагают использование письменных источников или основываются на экстраполяциях более позднего этнографического материала. Письменные источники в значительной степени страдают неполнотой или тенденциозностью, а это приводит к неоднозначности толкования большинства данных, что содержится в них. Они нуждаются в специальном критическом осмыслении, которое также далеко не всегда способно прояснить ситуацию [Например Новосильцев 1990]. Сравнительное использование этнографических наблюдений над поздними кочевниками по отношению к событиям тысячелетней давности также несёт в себе определённую условность. Последняя связана с нашими недостаточными знаниями как социально-бытовых обычаев и хозяйственных традиций конкретных народов прошлого, так и природно-климатического окружения на определённых территориях в интересующее нас время.

Не умаляя ни коим образом значение письменных и этнографических материалов для изучения вопросов, связанных с оседанием кочевников, считаем возможным акцентировать внимание на археологических показателях этого процесса, что даст дополнительные возможности для осмысления вышеуказанной проблемы, а также будет способствовать повышению значимости артефактов, полученных во время полевых исследований. Для этого по нашему мнению, необходимо выделить критерии, которые могут объективно способствовать решению поставленной задачи, а также обратить особое внимание на материалы средневековых салтовских поселений. Причины тут несколько. Во-первых, материалы погребальных комплексов (по месту их обнаружения, обрядности и инвентарю) способны выявить кочевника, но далеко не всегда говорят об оседлости. Во-вторых, за последнее время увеличивается объём исследований поселенческих памятников и, как следствие, полученного материала с городищ и селищ салтовской культуры. В-третьих, поселенческий материал был всегда репрезентативным для определения этнической и хозяйственной составляющих практически любого человеческого общества. В-четвёртых, сама по себе производственная деятельность древнего человека, фиксирующаяся в определённых хозяйственных моделях, способна нести в себе неоднозначные показатели, отражающие доминирующие и реликтовые (атавистические) формы хозяйственной деятельности. Последнее, в плане поставленной выше задачи, представляется нам особенно важным.

Для определения реликтовых черт кочевого скотоводческого состояния у оседлого населения и наоборот, необходимо учитывать критерии оседлости и кочевания для любого

сообщества, занимающего определённую территориальную и временную нишу в человеческой истории. Для салтовской археологической культуры они уже давно выявлены. Остаётся конкретизировать ответы на ряд вопросов: что следует искать для доказательства предшествующего кочевого скотоводческого состояния индивида? В чём это может выражаться? Почему именно в этом? Насколько объективны эти показатели?

Одним из основных показателей состояния общества и человека в интересующем нас плане является жилище. Классическое жилище кочевника – юрта. Это наземное сооружение на жердевом каркасе различной конструкции, которое сочетает в себе прочность, мобильность и определённый жизненный комфорт [Вайнштейн 1976]. Такое сооружение крайне сложно выявить методами полевых исследований. Поэтому с лёгкостью И.И. Пяпушкина в археологии прижился термин «юртообразная постройка» [Пяпушкина 1958, 100, 142], который очерчивает круг сооружений, что имеют признаки юрт: круглый (овальный) план помещения, наличие открытого очага в центре и лунки от опор жердевого каркаса (как правило, по периметру). Не смотря на неоднократные попытки привести указанную дефиницию к общему знаменателю, она имеет весьма чёткие критерии, однако, несмотря на различия, положительно воспринимается и с успехом используется учёными. Наиболее полная сводка салтовских юртообразных жилищ, равно как и глубокий всесторонний их анализ, содержится в работе В.С. Флёрова, который не смотря на значительный массив фактических данных, не взял на себя смелость создать единую типологию этих объектов [Флёров 1996]. Однако автор предложил три группы признаков, вариация которых отражает всё многообразие этой категории сооружений, и на их основе предпринял попытку предварительной систематизации, выделяя своеобразные «эталонные» объекты [Флёров 1996, 50–55]. Попутно заметим, что по нашему мнению, многообразие, а часто и уникальность юртообразных построек, свидетельствует, кроме всего прочего, и о многообразии путей адаптации кочевников к новым для них формам хозяйства и природно-климатическим условиям.

Своеобразной антитезой юртам степных кочевников служат жилые стационарные постройки лесостепного варианта салтовской культуры, которые характеризуются значительной заглубленностью квадратного (прямоугольного) котлована, разнообразной облицовкой стен из дерева и превалированием печей в качестве отопительного устройства [Афанасьев 1987, 38–75; Колода 2000].

Таким образом, наличие юртообразных построек как жилищ переходной адаптационной формы в среде долговременных стационарных поселений оседлого населения является безусловным **первым признаком** бывшего кочевого состояния его владельцев.

Немаловажным является и учёт планировки жилищно-хозяйственного комплекса на территории памятника в целом. Именно наличие (отсутствие) и взаимное расположение тех или иных хозяйственно-бытовых объектов вблизи жилища является **вторым признаком**, указывающим на сохранение бывшего традиционного жизненного уклада его хозяина, в новых условиях.

К сожалению, вопрос планировки поселения и выделение отдельных усадьбно-хозяйственных комплексов на лесостепных салтовских памятниках в специальных работах до настоящего времени специально не рассматривался, хотя имеются данные о порядке расположения построек на таких исследованных поселениях как Дмитриевское [Плетнёва 1989, 59–61] и Маяцков городища [Винников 1984, 139–140; Винников, Плетнёва 1998, 173–176]. Исходя из данных планиграфии можно сделать вывод, что жилые

постройки на указанных памятниках располагались скучено – «гнездами» по нескольким жилищам вместе с хозяйственными постройками и прилегающими к ним хозяйственными ямами. Последние, хотя и встречаются по всей площади раскопа, чаще всего образуют компактную группу на одном из его участков (не далее чем за 10 м от жилищ). Здесь практически отсутствуют очаги на открытых пространствах, что характерно для степных поселений [Красильникова 2005, 127–128]. Для поселений степной зоны прослежены несколько вариантов планировки жилищ: куренями, скучено «гнездами» и рядами с элементами уличной планировки [Красильникова 2005а, 14; Плетнёва 1994, 311–312, рис 11, 30, 35, 36; Плетнёва 1999, 91, рис 73, 84].

Подчёркнём, что куренная планировка поселений максимально соотносится с кочевым скотоводческим хозяйством, что подтверждается не только этнографическими данными, но и письменными источниками. Так, Рашид ад-Дин сообщает, что кочевники при остановке размещались «наподобие кольца» [Рашид ад-Дин 1952, 86]. Такая планировка имеет ещё ряд дополнительных устойчивых признаков, которые проявляются в археологическом материале. Первым из них – это наличие значительного числа открытых очагов близ юрт и юртообразных жилищ, второй – практическое отсутствие больших хозяйственных ям, а также незначительное количество таких ям малых размеров в непосредственной близости от жилищ или в самом жилище. Ни каких столпчатых ям на отдельных участках поселенческой территории при куренной его планировке не обнаружено [Плетнёва 1994, 348, 365, 372, 373; Красильникова 2005, рис 81, 83, 84]. В противоположность этому, на поселениях с уличной планировкой практически не встречается открытых очагов вне построек, а хозяйственные ямы встречаются как близ жилищ, так и в виде столпчатых на одном из участков памятника (Роголик) – [Красильникова 2005, рис. 80]. Важно отметить и то, что расположение жилищными рядами на отдельных памятниках степной зоны (например: Роголик, Новольяровка) самими исследователями связывается с переходом их населения от традиционного степного кочевого скотоводства к оседлому скотоводческо-земледельческому хозяйству [Красильников 1981, 124–125; Красильникова 2005, 147].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что куренная планировка поселенческой территории, наличие на ней открытых очагов и отдельных небольших хозяйственных ям за пределами жилищ может служить надёжным свидетельством кочевого скотоводческого уклада салтовского населения.

Третьим признаком определяющим хозяйственный уклад населения, служат условия труда и предметы быта, выявленные во время раскопок жилой зоны. Ко времени существования салтовской археологической культуры (середина VIII – середина X вв.) кочевое скотоводство в степях юга Восточной Европы стало традиционной специализированной формой ведения хозяйства, максимально адаптированной к природно-климатическим условиям. Но как любая специализация она влекла за собой и определённую зависимость, которая в данном случае выражалась в необходимости поддержания скотоводческим обществом определённого баланса между природными ресурсами, поголовьем скота и численностью населения, что мало способствовало интенсификации производства.

Такое положение, когда экологические параметры существенно ограничивают возможность экономического роста за счёт технологических инноваций, приводило к простому воспроизводству и закреплению традиционных форм ведения хозяйства во всех его аспектах.

Главным занятием скотовода было расширенное воспроизводство стада и обработка продуктов скотоводческого хозяйства (мяса, молока, кожи, кости). К сожалению, археологическим способом пока невозможно выявить следы технологий по получению продуктов питания, а вот артефакты, связанные с обработкой кожи и кости, где невозможно обойтись без металлических орудий труда, хотя бы в незначительном количестве, но известны. К ним относятся различные пилочки для распиловки кости, а также некоторые деревообрабатывающие инструменты, которые с успехом могли применяться для обработки кости и рога [Михеев 1985, 66–74]. Несмотря на важность кожевенного и косторезного производства для жизни кочевников-скотоводов салтовской культуры, оно никогда не выходило на уровень специализированного ремесленного производства, оставаясь традиционным промыслом [Флёрова 2001, 143]. Это подтверждается отсутствием специализированных косторезных и рогообрабатывающих мастерских не только в Хазарии, но и у более поздних кочевников Евразии [Вайнштейн 1972, 263–283; Флёрова 1998, 88–89]. Безусловно, обработкой такого сырья как кожа, кости рога занимались не только кочевники, но и оседлое население каганата, но исходя из общей направленности кочевого хозяйства шанс выявить инструменты и следы обработки (заготовки-полуфабрикаты, готовые изделия и брак) выше в среде кочевнических памятников. Относительно артефактов, подтверждающих кочевую скотоводческую направленность главной хозяйственной деятельности, дело обстоит ещё сложнее. Конское снаряжение и вооружение, а также путы и ботала, что использовались в работе со скотом, характерны не только для кочевого, но и для оседлого населения салтово-маяцкой культуры.

Основной категорией бытовых предметов является керамика, высокий ремесленный уровень производства которой в среде салтовского населения стал практически аксиомой. Однако в кочевнической среде, наиболее оторванной от центров гончарного производства, встречаются относительно толстостенные небрежно изготовленные лепные сосуды с некачественным обжигом и неупорядоченным орнаментом, что связано с домашним производством этих изделий самими кочевниками-скотоводами. А некоторые виды керамической продукции – лепные котлы с внутренними ушками и баклаги – считаются характерной чертой именно кочевников [Плетнева 1959, 10, 28; Плетнева 1963, 222–224, 247; Плетнева 1967, 103–109]. Таким образом, и артефакты третьей группы признаков – орудия труда и

Рис. 2

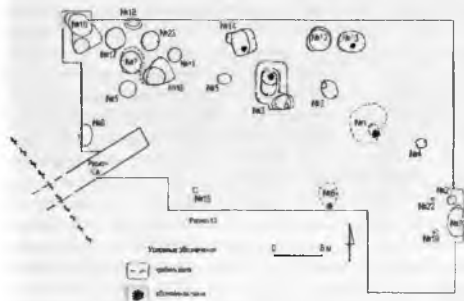

Рис. 3

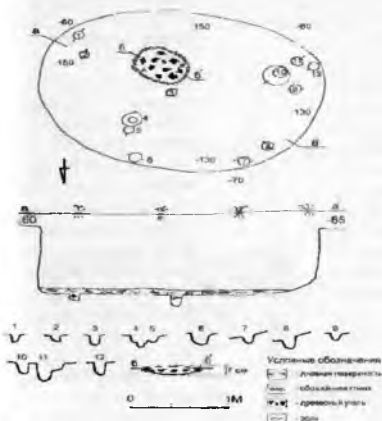

Рис. 4

предметы быта, особенно в части керамических изделий, — обязаны учитываться при рассмотрении вопросов, связанных с изменением хозяйственного уклада при переходе от кочевого состояния общества с его хозяйственной скотоводческой основой к оседлости.

Насколько сочетаемы друг с другом предложенные выше критерии? Попробуем в этом разобраться на при-

мере исследования городища Мохнач, что находится в Змиевском районе Харьковской области. Данный памятник планомерно исследуется с 1999 г.¹ Объектом анализа в данной работе будет раскоп -10, расположенный в западной части северного двора (Рис. 2).

Причина нашего выбора заключается в том, что на этом участке памятника обнаружен ряд жилых построек, выполненных вне домостроительных традиций салтовского лесостепного населения, которые в различной степени имеют признаки юртообразных жилищ. Таким образом, налицо первый признак переходного состояния от кочевого к оседлому образу жизни со всеми его причинно-следственными проявлениями. К настоящему

¹ Более подробно об истории исследования можно ознакомиться в следующих работах Колода 1999, 41; Колода, Колода 2001, 42]

времени сплошная изученная площадь участка приближается к 850 м² (Рис. 3). Здесь исследован довольно однородный культурный слой салтовской археологической культуры, мощность которого составляет от 30–35 см в восточной и юго-восточной части и до 80 см – в западной (возле вала). Здесь выявлен и изучен ряд жилых и хозяйственных объектов салтовской культуры, среди которых обращает на себя внимание три углубленных жилища (комплексы № 3, 13 и 14). Они находятся в пределах одной усадьбы на расстояниях 1–6 м друг от друга и могут служить замечательным примером трансформации кочевого жилища по мере адаптации его владельца к новому среднему образу жизни.

Типологически наиболее близким к кочевой юрте является овальное в плане юртообразное жилище – комплекс № 13 – (Рис. 4), поэтому мы считаем его наиболее ранним, в какой-то степени изначальным, фиксирующим раннюю попытку и первый опыт оседлого проживания на новом месте. Комплекс был обнаружен во время зачистки на глубине

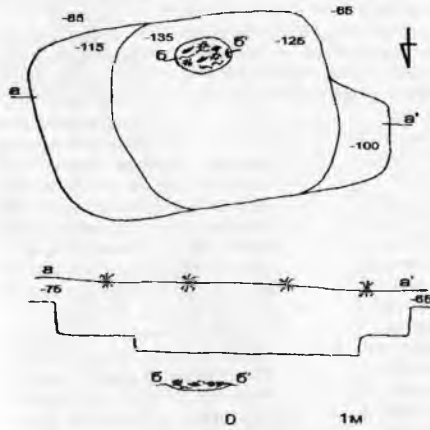

Рис. 5

древесного угля и золы. Примерно по центру пола обнаружен овальный очаг с размерами 50 x 40 см и тарелкообразным заглублением до 7 см в материковый пол. Он был заполнен древесным углем, по периметру которого отмечается контур из перепеченной до красного цвета материковой глины. Кроме того, на полу, по периметру котлована выявлен ряд ямок различного профиля для крепления жердевого каркаса стен. Глубина указанных ямок, в большинстве случаев составляет 160–180 см (10–20 см от уровня пола) при диаметре в 10–15 см. Лишь две ямки имели диаметр 25 и 20 см и глубину 25

60–70 см. На тёмном овальном пятне с размытыми краями в его чернозёмном заполнении хорошо выделялись фрагменты салтовской гончарной посуды и мелкие кусочки перепеченной глины. Полотно отметим, что на глубине 60 см над западной частью жилища обнаружен развал средневековой гофрированной амфоры. Само жилище имело в плане вид практически правильного овала с размерами по верхнему краю 285 x 210 см (площадь котлована составляла около 5 м²). Длинной осью постройка была ориентирована по линии ВЮВ–ЗСЗ. Стены к дну шли практически отвесно, а пол, выявленный на глубине 150 см, несколько повышался в СЗ направлении. Весь пол на 5–7 см был покрыт слоем

и 15 см соответственно. Одна из ямок (№3) располагалась вблизи очага и, вероятно составляла с ним единое целое. В чернозёмном заполнении жилища найдено некоторое количество фрагментов салтовской гончарной керамики, развал амфоры и столового писфоса.

В 8,5 м к западу от описанного жилища изучена ещё одна постройка аналогичного назначения – комплекс № 14 (Рис. 5). Здесь во время зачистки на глубине 65–85 см обнаружено четкое чернозёмное пятно с закруглёнными углами на фоне желто-коричневого материка и предматерика. По зачистке пятна найдены: керамическая и костная крошка, фрагменты керамики и фракции древесного угля. Зачистка позволила выявить практически квадратную заглубленную постройку с входом с северной части западной стены. Основное помещение имело размеры 260 x 240 см (полезная площадь котлована составляет чуть более 6 м²). С своими стенами постройка была ориентирована практически по сторонам света. Пол постройки обнаружен на уровне – 135 см. Вдоль всей восточной стены была оставлена материковая полочка-останец, служащая, вероятно лежапкой владельцу. Она возвышалась на 20 см над уровнем пола, имела ширину 65–75 см и создавала удачный в меру комфортный интерьер жилища. На полу близ южной стены постройки располагался открытый овальный тарелкообразный очаг размерами 50 x 40 см при глубине в 5 см. Отопительное устройство было заполнено золой, древесными углями и кусочками перепеченной глины. Указанный ранее вход представлял собой выступающую за пределы основного помещения ступеньку размерами 100 x 40 см. Чернозёмное заполнение котлована содержало керамические остатки, среди которых отмечается одна целая и одна фрагментированная кубышка, древесный уголь с отдельные кости животных.

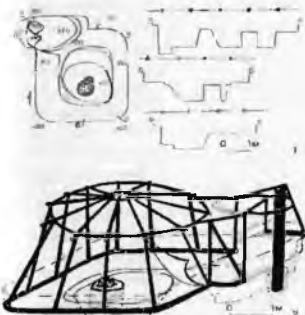

Рис. 6

Данное жилище, скорее всего, было следующим шагом в приспособлении бывшего кочевника, проживавшего в овальном вышеописанном жилище. Площадь нового жилища сооружения несколько увеличилась, появилась вход и лежапка-останец, что свойственно долговременным стационарным жилищам оседлого населения лесостепного населения Днепро-Донского междуречья (в равной степени славянам и населению салтовской культуры). Очаг из центра перемещён к одной из стен, что отодвинуло его от входа и увеличило полезную жилую площадь помещения. Однако, сохранение кочевнических традиций мы видим в использовании открытого тарелкообразного очага, что является основным типом отопительного устройства у степняков евразийской степи. Стены и верхнее перекрытие этой постройки в своей основе имели жердевый каркас, который, однако, опирался уже не на выкопанные вертикальные опоры (как в комплексе № 13), а на горизонтальные брусья

подробно такая конструкция будет описана ниже, а пока заметим, что иной её трудно представить. Во-первых, ни каких ямок от столбовых опор не замечено в котловане анализируемого жилища, а потому каркасно-столбовая конструкция здесь отсутствовала. Во-вторых, исключается и фахверковая конструкция, которая сама по себе не может нести крышу; для неё также нужны опоры (хотя-бы одна, по центру). В-третьих, стена из вертикально расположенных брёвен (плах, горбылей) предполагает наличие канавки по периметру котлована, чего также не обнаружено. В-четвёртых, здесь практически исключено использование срубной конструкции, которая практически ба едвое сократило жилое пространство и неслась бы в себе, при наличии открытого очага и таких малых размерах помещения, значительную пожароопасность.

Следующее сооружение (комплекс № 3) было, вероятно, последним в ряду жилых комплексов этой усадьбы (Рис. 6). Оно уже получило некоторое освещение в научной литературе [Колода 2003, 70–73], здесь же мы лишь кратко остановимся на его описании иведём некоторые дополнительные параметры.

Размеры основного помещения постройки в плане составляли 400 x 350 см (общая площадь – около 15 м²). Стены были прямыми с сильно закруглёнными углами, они ориентированы по сторонам света.

Максимальная глубина сооружения от современной дневной поверхности составляет 170 см. По центру помещения останец материкового остана располагался почти круглый в плане открытый очаг с размерами 65 x 60 см. По всей площади останца прослеживается глиняная вымостка толщиной 1–2 см, а пропечённость материка под ней составляла около 5 см. К югу от останца с очагом на полу выявлено обожжённое глыбо материкового пола, на котором найдено некоторое количество золы и мелких фракций древесного угля. Вдоль стен жилого помещения на глубине 80–90 см располагались материковые останцы-лежанки, которые представляли

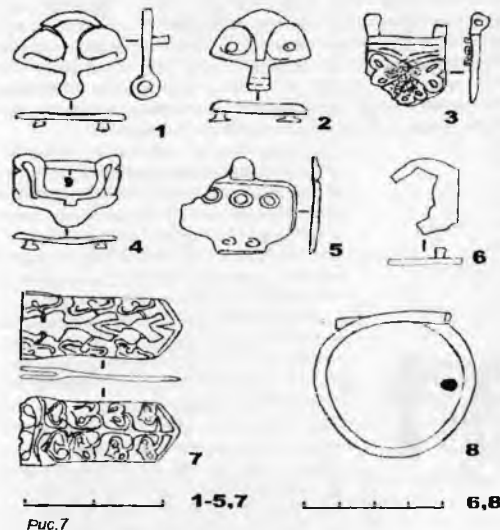

Рис. 7

собой едино целое. Их ширина 60–90 см. Между лежанками и очагом находилось углублённое рабочее пространство, связанное с обслуживанием описанного выше отопительного устройства. В юго-восточном углу сооружения выявлена обширная выписанная ямниша с общими размерами 225 x 150 см. Её пол прослежен на уровне -170 см (как и в основном помещении). С восточной стороны ниши прослеживаются две материковые ступени-полочки. Первая из них, шириной 25 см, обнаружена на глубине в 70 см, останцы второй выявлены на уровне -150 см. Кроме того, в юго-восточном краю ямы обнаружена четырёхугольная в плане столбовая ямка 45 x 45 см при общей глубине 200 см.

На лежанках выявлены чь неполные и сильно фрагментированные костные остатки четырёх человек (Приложение 1) – [Колода 2002, 5–6].

У западной стенки, ближе к СЗ углу, найдены косты двух индивидуумов (единый номер в описи – 127/Х-01). Одному из них на момент смерти было 14–15 лет, второму – 8–11. В качестве дополнительной информации можно сообщить, что на запястье первого индивида находился бронзовый браслет (Рис. 7, 8), и, скорее всего, его пол можно определить как женский. Относительно второго,

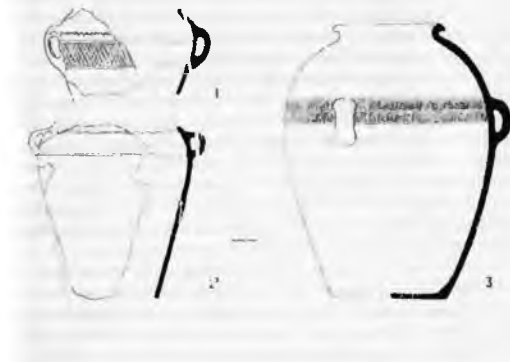

Рис. 8

в основании сохранившихся останцов его рост можно определить как 131–133 см.

Еще одна группа костного материала находилась близ северной стены, по центру (№ описи 128/Х-01). Это были останки юноши в возрасте 12–14 лет. На такое определение пола наводят находки следов возможной инициации (Приложение 1), а также найденные в этом месте поясной гарниз урны: бронзовая пряжка и бляшка (Рис. 7, 1–4, 6). Еще одна бронзовая пряжка обнаружена в соседнем комплексе № 2 (погребок) близ жилища (Рис. 5), а одна серебряная литая концевая звонка от ремня – в культурном слое непосредственно над жилищем перед зачисткой (р. ис. 7, 7). У восточной стены на лежанке, практически посредине, найден костный тлен и остатки челюстно-лицевого отдела ребёнка в

* Выносим искреннюю признательность со труднику Центра Археологии (г. Подтава) г-не Тамаре А.В. за проведенные анализы костного материала.

возрасте 2,5–3,0 лет. Обращает на себя внимание тот факт, что согласно данным антропологического обследования эти люди, кроме второго индивида, выявленного близ западной стенки, вполне вероятно были родственниками, которым в жизни пришлось переносить значительный голод. Последнее обстоятельство, кроме всего прочего, также может быть косвенным подтверждением недостаточной адаптации данной семьи к новым условиям жизни и хозяйствования. В остальном же заполнение этого жилища включало различные керамические останки, среди которых было два неглубоких развала гадарных пифосов (Рис. 8, 1, 2), железные нож, фрагмент цепочки и шило, а также два ярясцита из стенок гончарных сосудов.

Наличие отопительного устройства, несмотря на присутствие здесь остатков потребных, не даёт усомниться в том, что перед нами жилое помещение. Наличие захоронений в жилых помещениях имеют нечастые, но устойчивые аналогии в салтовско-маяцких древностях. Примером могут служить комплексы Саркела и Маяцкого поселения [Плетнёва 1996, 46–48; Винников, Плетнёва 1998, 105–109]. И хотя авторы публикаций связывают такие захоронения с прекращением использования жилищ по прямому назначению, в свете данных последнего анализа (Приложение 1) не всё так однозначно.

Проанализируем данные последнего жилища с точки зрения домостроительства. Оно значительно отличается от всех известных на этом памятнике [Колода 1999, 41–43; Колода 2001, 42–43; Колода 2002а, 69–71]. Кочевническим чертам мы относим наличие открытого очага и его расположение по центру жилого пространства, что формировало жизненное пространство (останцы-лежанки) вокруг него, а также значительную закруглённость углов. Как видим, открытый очаг присутствует в трёх рассматриваемых нами жилищах, хотя характер его несколько иной, о чём речь пойдёт ниже. Само место расположение очага (по центру) сближает рассматриваемую постройку с комплексом № 13, а значительная закруглённость углов при параллельных противоположных стенах – с комплексом № 14. Таким образом, наличие определённой преемственности, что может учитываться в качестве косвенного доказательства принадлежности всех трёх жилищ одной семье или родственникам.

Рассматриваемый комплекс № 3 иллюстрирует нам следующий этап развития жилища для данной родственной группы в пределах одной усадьбы. Во-первых, его площадь в три раза больше чем у предыдущих. Во-вторых, жизненное пространство здесь более комфортно: три лежанки на останцах отделены углубленным пространством непосредственно от очага. Здесь имеется встроенная яма-хранилище, примыкающая с юго-востока к жилому пространству. Наличие пристройки в одном из углов или к одной из сторон жилого помещения не противоречит кочевническим традициям. Это было достаточно распространённым явлением среди юртообразных жилищ в Хазарии [Флёров 1996, 57]. Явно оседлыми чертами, которые проявились в данном жилище, можно считать наличие прямых параллельных стен (что мы отмечаем и для комплекса № 14) а также рабочее пространство вокруг очага. Последнее обстоятельство представляет нам весьма примечательным. В кочевническом жилище очаг располагался на уровне пола, иногда несколько заглубленно (смотри выше). Здесь же открытое обогревательное устройство, находясь на одном горизонтальном уровне с лежанками, было значительно приподнято относительно пола жилища на 70 см, что облегчало его обслуживание и давало возможность свободно двигаться вокруг него. Такой несколько «славянизированный» интерьер не был свойственен не только юртам и юртообразным жилищам, не встречается он и на оседлых памятниках салтовской лесостепи. Здесь уместно будет заметить, что в славянских жилищах Днепро-Донской лесостепи большинство печей сооружалось

на останцах или искусственно созданных грунтовых вымостках. Отопительное устройство славян практически всегда было приподнято над полом, что облегчало его обслуживание. Попутно отметим, что высота размещения рабочей поверхности в 70–75 см над полом является современным стандартом для изготовления кухонной, столовой и канцелярской мебели, так как этот размер является максимально удобным с точки зрения анатомии человека.

Реконструкция внешнего вида этого жилого сооружения должна учитывать ряд обстоятельств, на которые мы акцентировали внимание в случае с комплексом № 14 (смотри выше), а также все детали, выявленные при его исследовании. Исходя из этого, мы считаем возможным предложить конструкцию стен, которая восходит к тюркской юрте, получившей значительное распространение в кочевнической среде степных народов Евразии, в том числе и на территории Хазарского каганата [Вайнштейн 1976, 47–49]. В данном случае каркас жилища мог быть составлен из традиционных вертикальных жердей, нижние концы которых могли закрепляться в горизонтальные, положенные по периметру котлована брусью. В условиях лесостепи брус и кругляк можно было получить без особого труда. Дугообразные угловые сочленения можно было изготовить из так называемого «нестрессового» леса или толстых искривлённых нижних ветвей деревьев. Вертикальные жерди располагались под разными углами, чтобы обеспечить переход от нижней подпоясочной основы к круглому куполу, диаметр которого соответствовал ширине помещения (350 см). Перпендикулярно нижнему брусу основы устанавливались лишь центральные жерди, а у остальных стеньга наклонялась по мере приближения к углам. Расстояние между жердями могло быть различным (в зависимости от их толщины), но не более 1 м. Здесь следует сказать, что в предлагаемой графической реконструкции (Рис. 6, 2) мы поместили нижний брус-основу внутрь котлована, с таким же успехом он мог быть размещён и вне его, что лишь увеличило бы полезную площадь жилища.³ Верхний конец вертикальных жердей жёстко соединялся с верхними горизонтальными жердями, что в свою очередь служило опорой куполу, высота стен может быть определена в 2,0–2,5 м, что является средней величиной для современных юрт.

Реконструировать перекрытие жилого помещения на основе археологических данных всегда проблематично, но, скорее всего, оно состояло из радиально размещённых лёгких жердей, скреплёнными в виде шатра с кольцом центрального отверстия для выпяжки очажного дыма как это делается у современных монгольских юрт [Новгородова 1982, 15–16].

Вход в данное помещение располагался с юга, что косвенно подтверждается как профилем приочажного углубления, так и наличием с юго-восточной стороны пристройки, которая застилали вход от восточных ветров, наиболее холодных в зимнее время для данной местности. Более того, такое сочетание входа и ямы-хранилища является максимально удобным с точки зрения хозяйственной деятельности. Над пристройкой также было возведено асимметричное перекрытие с опорой на вертикально стоящий столб, что подтверждается наличием здесь соответствующей ямки. Материал для стен и перекрытия мог быть различным, от традиционного войлока до растительного материала (камыш, прутья, плахи) и даже шкуры. Возможно и комбинированное использование материала. Следов какой-либо обмазки стен во время раскопок не обнаружено.

³ Мы не исключаем возможность того, что вертикальные и наклонные жерди стен могли крепиться и без нижнего опорного бруса, а просто вкапываться непосредственно в черзёмный слой вокруг котлована, что практически невозможно проследить полевыми методами.

Не смотря на всю гипотетичность предложенной реконструкции, ясно одно – эта постройка имеет многие черты юртообразного жилища. Она принадлежала человеку, который до прихода на этот памятник вел кочевой образ жизни. Данное жилое помещение в ряду других вышеописанных свидетельствует о том, что его хозяин совершенствовал его конструкцию, постепенно приближаясь к традиционному жилищу оседлого населения салтовской лесостепи. Кроме того, он испытал некоторое влияние и традиций славянского домостроительства.

Таким образом, рассмотренные материалы салтовского домостроительства, которые выявлены в пределах раскопа-10, свидетельствуют в пользу прошлого кочевого состояния жителей данной усадьбы (первый из предложенных нами критериев). Относительное время прихода семьи бывших кочевников на Мохначанское городище можно определить на основании элементов поясной гарнитуры – конец VIII – начало IX вв. Учитывая столь раннюю датировку комплекса, который занимает последнее место в нашей относительной хронологии жилищ, следует согласиться, что эта группа была одной из первых на данном памятнике.

Рассмотрим материалы, связанные со вторым предложенным критерием – проанализируем наличие и взаимное расположение хозяйственно-бытовых объектов вблизи описанных выше жилищ (Рис. 3). Следов каких-либо прямоугольных строений наземного или слабозаглубленного характера, которые можно было бы интерпретировать как клеи или сараи на усадьбе не прослежено. Здесь выявлено значительное количество хозяйственных ям округло-овальных в плане и два дополнительных отопительных устройства. Последние располагались в 8 и 9 м к ЮВ от жилища с погребёнными.

Один из них (комплекс № 1) представлял собой открытый очаг с небольшой предпечной ямой овальной формы 150 x 100 см. Сам очаг (60 x 50 см) находился на глиняном основании высотой в 20 см, поверх которого был нанесен слой глиняной обмазки в 2–4 см. Степень пропечённости предматрикса (10–15 см), да и наличие предпечной ямы свидетельствуют о долговременной использовании этого дополнительного обогревательного устройства для приготовления пищи в теплое время года. О продолжительности использования этого комплекса говорит и наличие к СЗ от него «рабочей зоны», что представляет собой скопление керамики (среди них и 2 развала кухонных горшков), в площади которой найдено 2 терочника, несколько железных изделий (один из них – нож) и пряслице. Ещё одно дополнительное отопительное устройство (комплекс № 6) располагался в 7,5 м к ЮЮЗ от предыдущего. Это – печь, сооружённая на погребённой почве (древняя дневная поверхность). Её глиняный под толщиной в 2–4 см был круглым (диаметр 50 см). Под ним прослеживался пропечённый чернозём (до 10 см). К северу от пода найдено скопление обмазки с отпечатками прутьев от свода печи, которые также были рассыпаны по уровню древнего горизонта (25–30 см от современной поверхности). В 1 м к ССЗ от печи обнаружен развал салтовского сосуда, а в пределах «рабочей зоны» – древесный уголь, зола и фрагмент железного ножа [Колода 2002, 3–4, 8–9]. Этот комплекс по своему назначению был аналогичен предыдущему.

Наличие дополнительных отопительных устройств за пределами жилищ является характерной чертой кочевого и полу кочевого быта (смотри выше). Однако описанные перед этим комплексы Мохнача отличаются от степных, расположенных преимущественно на поверхности или в небольшом углублении. Открытый очаг (№ 1) имел первоначную (по сути предпечную) яму, которые не известны в степной зоне, но является характерной

чертой лесостепных отопительных устройств практически с раннего железного века [на пример: *Шрамко* 1987, 68–72]. Кроме того, этот очаг находился на материковом остане, что облегчало его обслуживание, делая его более комфортным. Открытые отопительные устройства (очаги и печи), расположенные на останцах вблизи жилищ, фиксируются на роменских памятниках Бассейна Северского Донца – на городищах Водяное и Коробовы Хутора [Колода. *Свистун* 2004, 13–14, 17–18, Колода. *Крыганов, Михеев и др.* 2005, 57]. Характер остатков открытой сводчатой печи (комплекс № 6) на Мохначанском городище (создание пода печи на древней дневной поверхности, наличие свода, сооружённого на прутьях каркасе) находит свои аналогии также в роменской среде: наибольшее – в комплексе № 9, а в меньшей степени – в комплексе № 11 на городище Водяное [Колода. *Свистун* 2004, 13–14, 17–18].

Из вышеописанного видно, что, несмотря на сохранение такой кочевнической черты как создание дополнительных отопительных устройств вне жилого помещения, хозяева рассматриваемой усадьбы при их создании начинают использовать несколько иные технологические традиции. Это приводит к типологическим новациям: пригодный очаг, причёмная яма и создание открытых сводчатых печей на прутьях каркасе, который обмылся глиной. Всё это также свидетельствует о новом, отличном от предыдущего, быте.

Среди значительного количества хозяйственных ям, выявленных на исследуемом участке, обращают на себя большие ямы зернохранилища № (Рис. 3 – ямы № 5, 7, 10, 12, 17, 23) Они, как правило, глубокие (190–340 см), округлой в плане формы, их объём составляет от 2, 14 м³ (яма № 5) до 7,5 м³ (яма № 7). За небольшим исключением они не содержат мусора и практически в каждой из них найдены обломки зерновых или чисти зернозерок (как правило, у dna). Все это говорит о значительной роли зернового производства в общем хозяйственном комплексе. Интересно отметить, что лишь одна из таких ям (№ 12) расположена вблизи жилища (№ 13), остальные образуют компактную группу в 8–9 м к западу от жилых помещений близ вала городища. Одна из них (№ 16) представляет скорее всего, амбар с двумя обширными ямами. Аналогии ему мы находим на долговременных степных поселениях Роголки и Новомаревка, где земледелие также играло важную роль в общем хозяйственном комплексе [Красильникова 2005, 87–98, рис. 51–53, Красильникова 2005а, 12].

Выше мы уже рассматривали наличие отдельных небольших ям вблизи жилищ на поселениях полукочевого населения степной зоны и на скопления хозяйственных ям у оседлого населения степи и лесостепи. Здесь же хотим обратить внимание на два важных для нашей работы обстоятельства. По нашему мнению, близость комплексов № 12 и № 13, является ещё одним доказательством относительно ранней датировки овально-заглублённого юртообразного жилища. Архаичность формы и конструкции жилой постройки и наличие одной ямы хранилища в непосредственной близости говорит не только о начальной попытке адаптации жилого к новым условиям жизни, но и к новым формам хозяйства, когда земледелие с его необходимостью долговременного сохранения продукции ещё не получило значительного распространения (всего одна яма). Комплекс ям и амбар в западной части раскопа-10 связан скорее всего с функционированием юртообразных жилищ под квадратной формы, когда уровень приспособленности этой группы населения к новому месту и способу обитания вышел на более высокий уровень (усложнение и большая приспособленность долговременного использования жилища и расширенное зерновое производство).

Следует обратить внимание и на присутствие среди хозяйственных помещений усадьбы погребка (яма № 2) с асимметричной шатровой крышей [Колода 2002, 4–5]. Такие сооружения напрочь отсутствуют на кочевых памятниках, они единичны на долговременных степных поселениях [Красильникова 2005, 12], и традиционны для лесостепи

[Плетнёва 1989, 44–50; Винников, Плетнёва 1998, 101–112]. Кроме того, обращает на себя внимание и тот факт, что подавляющее число керамических фрагментов относится к тарным сосудам: амфоры и толстостенные шамотированные гифосы. Последние использовались, в своём большинстве, для хранения зерна. Развал одного из них удалось реконструировать (Рис. 8, 3).

Таким образом, наличие хозяйственных комплексов определенного типа и их расположение подтверждают не только бывшее кочевое состояние и ставное происхождение бывших хозяев усадьбы на раскопе-10, но и дают возможность проследить поэтапную их адаптацию к новой жизни (в широком смысле этого слова).

Третьим критерием для определения того

или иного хозяйственного уклада и, как следствия, способа жизни являются орудия труда и предметы быта. О наличии значительного количества разнообразных остатков зерноперерабатывающих орудий (части ротационных жерновов и зернотёрок) мы уже сообщали выше. Это, а также наличие немалого числа ям-хранилищ безусловно свидетельствует о земледелии как основе хозяйственной деятельности жителей рассматриваемой усадьбы, что находилось в наибольшей гармонии с окружающими их природно-климатическими условиями североконечной лесостепи.

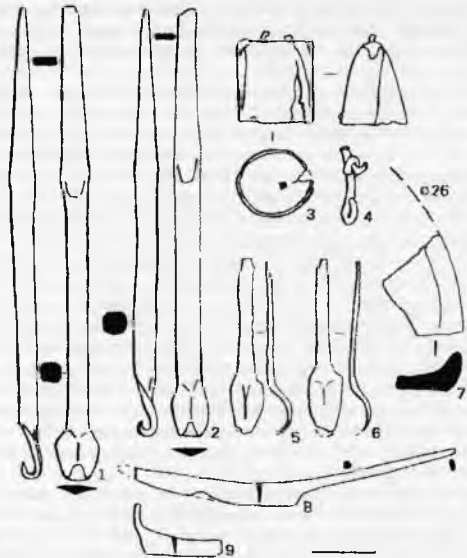

Рис. 9

Косвенным доказательством важности скотоводческой компоненты в их комплексном хозяйстве является ряд артефактов: пара мощных резцов (Рис. 9, 1, 2) и остатки двух скорняжных ножей (Рис. 9, 8, 9). Относительно двух первых изделий (резцов) следует сказать, что своими размерами и формой лезвия, а также наличием стамескоподобного лезвия на обратном конце они значительно отличаются от обычных ножей-ложкорезов, выявленных в пределах того же раскопа (Рис. 9, 5, 6), и поэтому предназначались, скорее всего, для работы по более твёрдому, нежели дерево, материалу – кости. Обработка кости велась по всей территории Хазарии, но лишь в степной зоне мы знаем аналогии таким мощным коротколезвийным резцам [Плетнёва 1994, рис. 48, 2; Флёров 1994, 13, 10]. Скорняжный нож (общая изогнутость в сторону обушка) был необходимым инструментом для работы с кожей, которая была массовым продуктом скотоводческого хозяйства и необходимым сырьём для изготовления одежды, обуви, пошедной сбруи и т.п. В настоящий момент нам пока известно лишь две аналогии. Первая подобная находка выявлена на городище Маяки [Мухеев 1985, рис. 19, 21], вторая – обнаружена при исследовании Нетайловского селища, рядом с ямным (кочевническим) Нетайловским могильником [Колода, Рылов, Тортика 2005, 176–178, рис. 4, 2]. Дополнительным доказательством работы с кожей, а возможно и шорного дела, служит находка скорняжной (шорной иглы). Она была изготовлена из квадратного в сечении, изогнутого полукругом металлического прута с небольшой петелькой для нити. Своей массивностью и формой игла значительно отличается от обычных железных, которые нередко находят на лесостепных салтовских памятниках, и практически не отличается от тех современных, что предназначены для работы с кожей. Находка железного ботала (Рис. 9, 3, 4) свидетельствует скорее о пастушеском или приусадебном характере скотоводства, чем о кочевом. В последнем случае, при массовом подножном содержании скота охрана стад (отар, табунов) ведётся людьми или служебными собаками, а вот ботала необходимы для выпадания отдельных и немногочисленных групп животных в лесистой или сильно пересечённой местности какой и была Днепро-Донская лесостепь. Именно здесь известны ботала в салтовское время [Мухеев 1985, 27, рис. 19, 13–15], сохранились они и до настоящего времени.

Керамика, обнаруженная в раскопе-10 на Мохнанском городище, имеет устойчивые аналогии на салтово-маяцких, прежде всего лесостепных, памятниках. Однако лишь здесь (а общая исследованная площадь городища составляет более 2000 м²) найдено два знаменательных для нас фрагмента. Один из них представляет обломок бортика глиняного котла с внутренними ушками, который можно считать, в определённой степени проявлением прошлого кочевого быта данной семьи. Вторая находка – это фрагмент лепной сковородки с бортиком (Рис. 9, 7). Этот вид кухонной посуды не известен на салтовских памятниках, но широко представлен у северных соседей салтово – соседьих, преимущественно земледельческих племен роменской (Рис. 1) и боршевской культур [Сухобоков 1975, 76–80; Винников 1995, 77, рис. 29, 1–9].

Таким образом, прямые и косвенные данные о составе инвентаря, инструментов и бытовых предметов свидетельствуют о преимущественно земледельческом характере хозяйства населения рассматриваемой усадьбы, в котором, однако, в достаточной степени сохранились те виды домашнего производства (обработка кости и шкур), которые более свойственны кочевым скотоводческим народам. Влияние салтовского быта проявлялось не только в домостроительстве: о чём писалось выше, а и в использовании нового заимствованного вида кухонной посуды.

Подводя итог всей работе, хотелось бы ещё раз подчеркнуть насущную необходимость выделения не только этнокультурных признаков в массе поселенческого материала, но и тех, которые способны помочь уточнить хозяйственную модель и образ жизни того или иного сообщества, а также его отдельного индивида в прошлом и настоящем. И в данном исследовании мы не только попытались сделать это, но и проверить их объективность на примере одного из раскопок городища салтовской культуры в с. Мохнач. Проведённое в настоящей статье изучение материала с упомянутого памятника свидетельствует о безусловном оседлом образе жизни населения рассматриваемой усадьбы и о преимущественно земледельческом характере хозяйства. Однако наблюдения над динамикой изменения конструкции и формы жилища, над планировкой усадьбы и наличием на её территории определённых хозяйственных комплексов, а также состав находок говорят о сохранении в некоторой степени бывшего степного уклада и отдельных черт кочевнического хозяйства, которые в новых условиях представляются в определённом смысле анахронизмом. Новые природно-климатические условия дают толчок к социально-хозяйственной и бытовой адаптации, а этнокультурные реалии способствуют этому. Насколько верны наши построения, покажут дальнейшие исследования поселений салтовской культуры, в том числе и продолжающиеся работы на Мохначанском городище.

Литература

- Афанасьев Г.Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII – X вв. // *АОН* – Вып. 2 – М., 1987.
- Барфилд Т.* Мир кочевников-скотоводов // *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. – М., 2002. – С. 59–85.
- Вайнштейн С.И.* Историческая этнография тувинцев. – М., 1972.
- Вайнштейн С.И.* Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // *СЭ*. – 1976. – № 4 – С. 42–62.
- Винников А.З.* Жилые и хозяйственные постройки Маяцкого селища // *Маяцкое городище*. – М., 1984.
- Винников А.З.* Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века). – Воронеж, 1995.
- Винников А.З.* *Плетнёва С.А.* На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. – Воронеж, 1998.
- Гаврилюк Н.А.* История экономики Степной Скифии VI–III вв. до н.э. – К., 1999.
- Гумилёв Л.Н.* Истоки ритма кочевой культуры Серединной Азии (опыт историко-географического синтеза) // *НАА*. – 1986. – № 34. – С. 85–94.
- Гумилёв Л.Н.* Изменение климата и миграции кочевников // *Природа*. – 1972. – № 4. – С. 44–52.
- Гумилёв Л.Н.* География этноса в исторический период. – Л., 1990.
- Колода В.* Некоторые итоги археологических исследований Мохначанского городища // *Християнські старожитності Лівобережної України*. – Полтава, 1999. – С. 40–45.
- Колода В.В.* Житла раннього середньовіччя у Верхньому Салтові // *Археологія*. – 2000. – № 4. – С. 40–54.
- Колода В.В.* Житло з жертвником на Мохначанському городищі // *АЛЛУ*. – 2001. – Ч 1. – С. 42–46.

- Колода В.В.* Отчёт о полевых исследованиях Средневековой археологической экспедиции ХАПУ им. Г.С. Сковороды в с. Мохнач на Харьковщине. – Харьков, 2002.
- Колода В.В.* Усадьба средневекового кузнеца на Мохначанском городище // *ХА*. – 2002а. – Т. 2. – С. 69–78.
- Колода В.В.* Опыт реконструкции одного из раннесредневековых жилищ осевшего кочевника // *Проблеми історії та археології України. Збірник матеріалів Міжнародної наукової конференції до 100-річчя XII Археологічного з'їзду в м. Харкові*. – Харків: Східно-регіональний центр гуманітарно-освітніх ініціатив, 2003. – С. 70–73.
- Колода В.В.* *Колода Т.О.* Старожитності с. Мохнач та його округи // *Археологічний літопис лівобережної України*. – 2001. – Ч. 2. – С. 42–45.
- Колода В.В.* *Крыганов А.В.* *Мухеев В.К.* и др. Отчёт о работе Средневековой экспедиции Харьковского национального педагогического университета в 2004 году. – Харьков, 2005 // *Архив ИА НАНУ*.
- Колода В.В.* *Ряполов В.М.* *Тортика А.А.* Раскопки селища салтовской культуры у с. Металпівка (2003–2004 гг.) // *Археологічні дослідження в Україні 2003–2004 рр.* – Вип. 7. – К.–Запоріжжя: ДКП, 2005. – С. 176–178.
- Колода В.В.* *Свиствен Г.Е.* Отчет о работе Средневековой экспедиции ХГПУ в Змиевском районе Харьковской области в 2003 году. – Харьков, 2004 // *Архив ИА НАНУ*.
- Крадин Н.Н.* Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // *Вопросы истории*. – 2001. – № 4. – С. 21–32.

Список сокращений

- АЛЛУ – Археологічний літопис Лівобережної України.
- АОН – Археологические открытия на новостройках.
- ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
- МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.
- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
- НАА – Народы Азии и Африки.
- СА – Советская Археология.
- СЭ – Советская этнография.